

Д · М · И · Т · Р · И · Й

ЛИПСКЕРОВ

**Теория
описавшегося
мальчика**

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Лб1

Художественное оформление *Екатерины Ферез*

Липскеров, Дмитрий Михайлович.

Лб1 Теория описавшегося мальчика / Дмитрий Липскеров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 416 с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-099115-0

Дмитрий Липскеров — писатель, драматург, обладающий безудержным воображением и безупречным чувством стиля. Автор более 25 прозаических произведений, среди которых романы «О нем и о бабочках», «Сорок лет Чанчжоэ» (шорт-лист «Русского Букера», премия «Литературное наследие»), «Родичи», «Теория описавшегося мальчика», «Демоны в раю», «Пространство Готлиба», сборник рассказов «Мясо снегира».

Сюжет романа разворачивается в нашей российской повседневности, в которую с удивительной органичностью вливаются поразительные события и персонажи: скромный учитель физкультуры, найдя камень антиматерии, становится ксилофоном, его возлюбленная утекает в никуда, а голова импресарио Жагина отделяется и превращается в планету.

Погружение в дивный босхианский мир романа покажется читателю легким и увлекательным, как вкус антивещества.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099115-0

© Липскеров Д.М.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Он словно бежал от нее. Делал несуразно огромные шаги, будто конькобежец со старта, и вскидывал здоровенные руки, расталкивая воздух. Она покорно ускорялась следом, уставившись себе под ноги, почти плакала.

Иногда совсем срывалась на бег, пытаясь догнать его, но не поспевала и всхлипывала громче.

Шли вокруг пруда, кругами. Сильная влажность, смешанная с вечером, не давала ей расслышать, что он там бормотал себе под нос. Она сменила поодаль и приговаривала, что больше так не может, что любой человеческий организм имеет предел и что она запросто не выдержит и закончит психозом. Разве ей это нужно, молодой и так мало знающей счастья... Она часто представляла себя в психиатрической клинике, в палате с обшарпанными стенами, почему-то связанной по рукам и ногам. Она сидит на голом пружинном

матраце, а на противоположной стене его корявым почерком начертано приговором: «Я к тебе не приду! Никогда!». И была в ней твердая уверенность, что, сойди она с ума, он забудет о ней тотчас. Жуткое это слово — «никогда»! Кровью, что ли, написано?

— Нехорошо, — прошептала, затрясла головой, разгоняя фантазии.

Глубоко вздохнула. Во рту стало прохладно, как будто тумана глотнула.

А он то и дело наклонялся, поднимал что-то с земли — палочки, дрянь всякую, и бросал всё в пруд. И опять бормотал что-то невнятное вдогонку всплескам...

Хоть бы к ней обращался. Ведь сам с собой. Бубнит, бубнит что-то! Так кто сумасшедший — она или он? На какой такой тарабарщине разговаривает? Старалась вслушиваться, но разобрать так ничего и не могла.

Вдруг он остановился, пошарил руками по земле, поднял камень и, размахнувшись, отправил его в грязные воды пруда.

— Раз-два-три-четыре, — считал он.

— Блинчики, — поняла она и обрадовалась: хоть что-то в его действиях разумно.

Он вдруг бросился к ней. С длинными конечностями, костистый, двухметрового роста, в вечерних всполохах, он на мгновение показался ей зверем. Она отшатнулась и приготовилась умирать.

— Ты видела?! — закричал он. — Видела?! — Схватил ее за руки и пребольно сжал. — Я же видел!!! А ты?! Ну же?!!

— Видела, — подтвердила. — Пять раз... Или четыре? — Ее губы дрожали.

— Что «пять раз»? — Его чуть было не стошнило, и он долго кашлял, словно выплевывал ее горькую глупость.

— Пять блинчиков было...

Она почти плакала.

— Как тебя зовут? — спросил он, выпустив ее тонкие запястья из своих лапищ.

— А ты как хочешь? — Она подняла к его бледному лицу заплаканные глаза.

— Я ничего не хочу. — Он вдруг сник, в глазах его погасло. — Я правды ишу.

— А по правде я Настя.

— А я — Иван...

Она вдруг почувствовала себя счастливой. Приникла всем телом к его могучей груди и заговорила, защебетала весенней птичкой о том, как она любит своего Ванечку. Милый и единственный, никто другой ей не нужен, и во веки вечные она с ним останется... Она успокаивалась его силой, слушала дыхание своего медведя, хоть и больного какой-то непонятной, загадочной для нее болезнью. И от этого непонимания, непостижимости его существа Настя любила этого человека с неистовой силой — всецельно, и как мужчину, и как дитя...

Он сел на мокрую осеннюю траву, увлекая ее за собой, она положила голову ему на колени, он погладил ее мягкие волосы. Улыбнулся печально, будто за печалью было сокрыто какое-то большое знание.

— Беленькие у тебя волосы, — проговорил.

— Да?.. Тебе нравятся? — Она вдыхала его запах — тяжелый, смесь вареной баранины и пороха.

— Есть в белом цвете чистота.

— Молоко белое.

— У меня глаза желтые!

— У тебя высокое давление, — прокомментировала Настя. — Пройдет скоро. Тебе нервничать нельзя. А потом, ты нехристь. У всех нехристей белки глаз желтоватые.

— Так ты не видела?

— Что?.. А, ты про воду?

В его глазах, темных и раскосых, блеснуло. Или всполохи приближающейся грозы отразились в черных зрачках.

— Да-да, про воду! — подтвердил он и притянул ее лицо к своей большой голове.

Со стороны могло показаться, что он страстно желает ее поцеловать, всосать Настину невинность, как мякоть хурмы, в свою утробу, а другому соглядатаю могло почудиться, что загрызет девушку эта зверюга и нехристь как пить дать, и полиция не подоспеет.

— Так видела, Настенька?

— Блинчики?

Она опять была готова заплакать, так как понимала, что отвечает не то, что нужно. Киргиз проклятый, мучитель.

Но он ее пощадил. Не стал выть от невыносимой муки, просто отпустил ее лицо и стал смотреть в ночное небо, по которому с неистовой скоростью неслись облака. Он хлопал густыми ресницами, и в раскосых глазах его отражались холодные звезды.

А потом они пошли домой. Перед подъездом почти побежали, так как косо прыснул дождь. Настя сглотнула холодные капли, и была в них размешана осень.

В лифте они даже улыбнулись друг другу. Почему-то люди всегда улыбаются, когда их неожиданно дождь застает.

Она, встав на носочки, погладила его по волосам и в который раз подумала, что похожи они — непослушные, воронье цветом, с отливом высушенного сена — на медвежью шерсть: такие же густые и всклокоченные.

А потом она принялась суетиться по хозяйству. Пустила в ванну горячую воду, а затем поставила на быстрый огонь сковороду с толстым днищем. Достала из холодильника за круглые белые косточки два огромных шмата мяса — красного, с тонкими прожилками нежного жира, шваркнула их на раскаленный металл и втянула ноздрями тотчас рожденный огнем запах.

Она знала, что он еще раньше учуял свежую убоину и, наверное, замер сейчас посреди комнаты голодным волком, задрав высоко к потолку раздвоенный подбородок.

— Снимай с себя все! — скомандовала она, одновременно прислушиваясь к струе воды, доносящейся из ванной. Звук стал более плотным — значит, ванна наполнилась наполовину.

Настя бросила на сковороду пригоршню нарезанного лука, и маленькая кухонька наполнилась сладковатым дымом.

Она услышала, как он довольно зарычал, по-хозяйски улыбнулась и обрела уверенное состояние духа.

— Раздевайся и давай в ванну! — приказала.

— А мясо?

— Принесу.

Пока в сковороде жарилось, она переменяла уличную одежду на домашний халатик, повертевшись в белье перед зеркалом, одновременно еще немного покомандовала, чтобы он не перелил воду и не разбрасывал носки; наломала целую миску лаваша, вторую наполнила целыми овощами, а мясо решила перенести прямо в сковороде, чтобы скворчало. Иван любил.

Он сидел в ванне и улыбался. Раскрасневшаяся, она тоже смеялась навстречу. Великан с раскосыми глазами всегда вызывал в ней материнское чувство, когда сидел в ванне, крошечной по его габаритам. Огромный, поросший звериной шерстью,

с торчащими из воды почти до потолка коленями, ее голый мужчина казался беззащитным и так нуждающимся в ней.

Поперек ванны она уложила специальную доску, обитую клеенкой, и на нее поставила тарелки с едой. Он по-прежнему улыбался, почти скалился, заставляя Настю любоваться белыми, идеально ровными зубами хищника. Она почему-то вспомнила рекламу, где молодой человек надкусывает яблоко, оставляя на его белой мякоти кровавые следы. «Средство для укрепления десен». Хихикнула, уверенная, что ее Иван запросто может перекусить ствол дерева, на котором выросло это яблоко. Какая уж там кровь!..

Он любил, когда она своими маленькими пальчиками раздирает горячее мясо на куски. Сначала у нее это не получалось, только ногти ломала, но со временем она уяснила, что по волокнам мясо рвется легче. Она отрывала кусочек и, не стесняясь текущего по руке жира, дразнила им, еще дымящимся, Ивана, чей огромный кадык, словно скоростной лифт, жадно перемещался по горлу вверх-вниз. А потом подбрасывала кусок, а он ловко его ловил, клацал челюстями, мгновенно пережевывая мясо великолепными зубами. Волчара, да и только!

Он ел много и жадно. От помидора не откусывал, а отправлял овощ в рот целиком, так что из его рта брызгал помидорный сок. Тогда он долго и громогласно хохотал, пугая соседей сверху.

А потом, насытившись, брал длинное перо зеленого лука и, дуя в него, пускал в воде пузыри. Получались неприличные звуки. И опять хохотал. И она заливалась с радостью.

В такие мгновения Настя ощущала себя беспрельдно счастливой. Счастья было так много — как синевы в небесах, — и таким щедрым становилось ее сердце, что ей непременно хотелось поделиться счастьем с женщинами, у которых и крохи этой радости великой не имелось.

С замиранием сердца она дожидалась того момента, когда его большие руки увлекали ее миниатюрное тело в остывающую воду.

Она по правильности своей женской слегка сопротивлялась, просила позволить ей хотя бы халатик скинуть, зачем его мочить, — но какой же хищник внимает мольбам жертвы! Она тотчас оказывалась в волнах слегка замутненной воды и чувствовала себя крошечной экзотической рыбкой, с которой играет огромное морское чудище.

В такие минуты он всегда был с ней нежен. Казалось, что соитие между двумя такими разными видами невозможно, но все и всегда оказывалось столь восхитительным, столь тактичен был ее зверь, что, когда все заканчивалось и они, уставшие, перемещались из ванной в комнату, на кровать, когда Иван засыпал, Настя вдруг на секунду задумывалась о том, что вот их отношения внезапно закончатся и... Как же она жить дальше

будет? Где найдет еще такого?.. Такого неповторимого!.. Мужчину!.. Жизнь состояла из пигмеев и ее Ивана.

Обычно она долго не рефлексировала и, как каждая женщина, успокаивалась тем, что будет жить со своим возлюбленным Гераклом вечно.

Он постоянно стонал во сне, как будто его пытали, и, как и в эту ночь, опять говорил на каком-то непонятном языке. В такие моменты она гладила его по лицу, утирала розовой ладошкой слюну, и Иван, убаюканный любовью, наконец засыпал безмолвно.

А она, переполненная чувствами, наоборот, сон теряла, принималась наводить на кухне порядок, чистить сковородки и натирать до блеска миски... Как-то раз легла в неслитую остывшую воду в ванне и долго дышала его запахом, пропитывалась бульоном, пока не окоченела окончательно. Ей пришлось в голову наполнить пустую бутылку такой водой-«эссенцией». Но она сдержалась, подумав, что это не совсем нормально. В холодильнике ее, что ли, держать. А вдруг кто выпьет эту «эссенцию»?

В эту ночь она опять не слила грязную воду, просто забыла. Перемыв и перечистив все на кухне, Настя прилегла здесь же, на угловом диване, взяла в руки журнал, листнула пару раз, да и заснула...

Он проснулся и долго смотрел в окно. Тщился отыскать в черном пространстве хоть одну

звезду. Обнял подушку и дышал в нее, стараясь не бояться.

Он вспомнил вечернюю прогулку. На него опять накатило странное чувство, которое и описать словами было невозможно. В этом состоянии Иван начинал подвывать: лишь такая нечленораздельность соответствовала душе.

Насти в кровати не было, и Иван подумал, что она, как всегда, измученная заснула на кухне.

Вот ведь дура, подумал. И ведь создана по образу и подобию его мыслей! Лучезарна и любяща, но дура!..

Он любил ее, безусловно, но мучился тем, что она не могла разделить, понять это его странное чувство. Когда он заявлял о своей вселенской маюте, девушка лишь заглядывала в его лицо с участливым ужасом и готова была реветь в три ручья.

А он не желал от нее в эти минуты эмоций! Ему необходимо было мысленное ее участие, поддержка интеллектом, так как он сам был в неведении, не понимал, что происходит с его мозгом.

Незаметно для себя Иван стал тихонько выть, как брошенный в люльке младенец, мочил слезами подушку, а потом подскочил, будто что-то вспомнил, и бросился на кухню.

— Блинчики! — закричал он. — Блинчики, говоришь!!!

Она проснулась. От внезапного страха сердце чуть было не остановилось, рвалось из горла на-

пуганной кошкой, не давая вдохнуть полной грудью! Насте подумалось, что она через мгновение умрет, что убьет ее неистовый Иван, высящийся над ней утесом, возносящий над своей патлатой головой гиревые кулачищи.

— Что ты, — выдавила она сипло. — Иван...

— А знаешь, что это было? — громыхал сожитель.

В потолок робко постучали.

От этого стука он как-то разом сник, обнял руками себя за плечи и подсел к Насте на диван.

— Понимаешь, — заговорил он почти испуганно, — я беру камешек, запускаю его в воду и... действительно блинчики. Первый, второй, третий... Поднимаю четвертый, и... все то же самое — прыгает себе по воде. А потом... — Иван сжался и затрясся всем своим могучим телом.

— Что потом? — подбадривала Настенька, гладя любимого по плечу.

— Я запустил еще один камень...

— Так я видела...

— Он, как и все, запрыгал.

— Да-да, пять раз подскочил!

— И все было нормально...

— А чего уж тут, — она даже улыбнулась. — Камень как камень, и повел себя как камень. Прыгал себе и прыгал, пока не утонул.

— Утонул, — подтвердил Иван. — Но не как все...

— Как это? — не поняла Настя.